

Лев Троцкий. Иосиф Сталин. Опыт характеристики

Изд: Троцкий Л. Портреты революционеров. Сост. Фельштинский Ю. Нью-Йорк, 1988

В 1913 г. в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, со смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

- Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль.

Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление... Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин. Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошла рука мастера. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузином, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю и которому предстояло через четыре года возглавить комиссариат национальной политики в первом Советском правительстве.

В революционный Петроград я приехал из канадского концентрационного лагеря 5 мая 1917 г. Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, которых давно знал по эмиграции и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской республики. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний. В "Правде", которой руководил Ленин, появились статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.

На партийных совещаниях я, несомненно, встречался с ним, но не отличал его от других большевиков второго и третьего ряда. Он выступал редко и держался в тени. С июля до конца октября Ленин и Зиновьев скрывались в Финляндии. Я работал об руку со Свердловым, который, когда дело касалось важного политического вопроса, говорил:

-- Надо писать Ильичу, -- а когда возникала практическая задача, замечал иногда:

-- Надо посоветоваться со Сталиным.

И в устах других большевиков верхнего слоя имя Сталина произносилось с известным подчеркиванием -- не как имя вождя, нет, а как имя серьезного революционера, с которым надо считаться.

После переворота первое заседание большевистского правительства

происходило в Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми. Из-за перегородки раздался сочный бас Дыбенко: он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. Двадцатидевятилетний чернобородый матрос, веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине. В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

-- Это он с Коллонтай, с Коллонтай...

Его жест и его смехок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

-- Это их дело.

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились те же искры враждебности, которые я уловил в Вене. С этого времени он никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы.

Когда Сталин стал членом правительства, не только народные массы, но даже широкие круги партии совершенно не знали его. Он был членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Даже в "коллегии" собственного комиссариата Сталин не пользовался авторитетом и по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве. Возможности приказывать тогда еще не было, а способность переубедить молодых противников Сталин не обладал. Когда его терпение истощалось, он попросту исчезал с заседания. Один из его сотрудников и панегиристов, член коллегии Пестковский, дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара: "Сказав:

-- Я на минутку,--

Сталин исчезал из комнаты заседания и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем Кремля. Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились".

Оставался обычно один терпеливый Пестковский. Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина.

-- Я отвечал, что Сталин исчез,-- рассказывает Пестковский.--Но Ленин требовал срочно найти его.

"Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку..."

Эта запись с натуры дает нам первый ключ к характеру Сталина, главной чертой которого является противоречие между крайней властью и недостатком интеллектуальных ресурсов. Курил трубку в кухне на диване, он размышлял, несомненно, о крайнем вреде оппозиции, о невыносимости прений и о том, как хорошо было бы со всем этим раз навсегда покончить. Вряд ли он тогда надеялся, что ему удастся достигнуть этой цели.

Иосиф или Сосо, четвертый ребенок в семье сапожника Виссариона Джугашвили, родился в маленьком городе Гори Тифлисской губернии 21 декабря 1879 г. Прежде чем закончится этот год, нынешнему диктатору России исполнится, следовательно, 60 лет. Мать, которой во время рождения четвертого ребенка было всего 20 лет, занималась стиркой белья, шитьем и выпечкой хлеба у более зажиточных соседей. Отец, человек сурового и необузданного нрава, большую часть скудного заработка пропивал. Школьный товарищ Иосифа рассказывает, как Виссарион своим грубым отношением к жене и сыну и жестокими побоями "изгонял из сердца Сосо любовь к богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу".

Рабское положение грузинской женщины в семье наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь. Он признал позже программу, которая требовала полного равноправия женщин, но в личных отношениях навсегда остался сыном своего отца и смотрел на женщину как на низшее существо, предназначенное для необходимых, но ограниченных функций.

Отец хотел сделать из сына сапожника. Мать была более честолюбива и

мечтала для своего Сосо о карьере священника, как мать Гитлера лелеяла надежду увидеть своего Адольфа пастором. Одиннадцати лет Иосиф поступил в духовное училище. Здесь впервые познакомился с русским языком, который навсегда остался для него школьным, усвоенным из-под палки чужим языком. Большинство учеников были дети священников, чиновников, мелких грузинских дворян. Сын сапожника чувствовал себя маленьким парнем среди этой захолустной аристократии. Он рано научился сжимать зубы с затаенной ненавистью в сердце.

Кандидат в священники уже в школе покончил с религией.

-- Знаешь, нас обманывают,--сказал он одному из товарищей.-- Бога не существует.

Юноши и девушки предреволюционной России вообще порывали с религией в раннем возрасте, нередко в детстве: это носилось в воздухе. Но формула "нас обманывают" несет на себе личную печать будущего Сталина. Из низшей духовной школы молодой атеист перевелся, однако, в духовную семинарию в Тифлис. Здесь он провел пять томительных лет. По внутреннему режиму семинария стояла между монастырем и тюрьмой. Недостаток пищи возмещался обилием церковных служб. Педагогика сводилась главным образом к наказаниям. Зато многие воспитанники научились под благочестивыми минами прятать от дежурных монахов свои мятежные мысли. Из Тифлисской семинарии вышло немало кавказских революционеров. Немудрено, если в этой атмосфере Сосо примкнул к группе будущих заговорщиков. Его первые политические мысли были ярко окрашены национальным романтизмом. Сосо усвоил себе конспиративную кличку Коба, по имени героя грузинского патриотического романа. Близкие к нему товарищи называли его этим именем до самых последних лет; сейчас они почти все расстреляны.

В семинарии молодой Джугашвили еще острее, чем в духовном училище, ощущал свою бедность.

-- Денег у него не было,-- рассказывает один из воспитанников.-- Мы же все получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы.

Тем необузданнее были мечты Иосифа о будущем. Он им покажет! Уже в те годы товарищи отмечали у Иосифа склонность находить у других только дурные стороны и с недоверием относиться к бескорыстным побуждениям. Он умел играть на чужих слабостях и сталкивать своих противников лбами. Кто пытался сопротивляться ему или хотя бы объяснять ему то, чего он не понимал, тот накликал на себя "беспощадную вражду". Коба хотел командовать другими.

Теперь он стал читать русских классиков, Дарвина, Маркса. Потеряв вкус к богословским наукам, Иосиф стал все ниже опускаться по лестнице познания и оказался вынужден покинуть семинарию до окончания курса, в июле 1899 г. Он пробыл в духовной школе всего девять лет и вышел из нее 20-летним юношей, то есть на кавказский масштаб взрослым человеком. Он считал себя революционером и марксистом. Мечты матери увидеть Сосо в рясе православного священника рассыпались прахом.

Коба пишет прокламации на грузинском и плохом русском языках, работает в нелегальной типографии, объясняет в рабочих кружках тайну прибавочной стоимости, участвует в местных комитетах партии. Его революционный путь отмечен тайными переездами из одного кавказского города в другой, тюремными заключениями, ссылкой, побегам, новым коротким периодом нелегальной работы и новым арестом. Полиция характеризует его в своих рапортах как "уволненного из духовной семинарии, проживающего без письменного вида, без определенных занятий, а также и квартиры".

Его друг молодости изображает его мрачным, обросшим волосами и неряшливым:

"Его средства,--объясняет он,--не давали ему возможности хорошо одеваться; но правда и то, что у него не было потребности поддерживать свою одежду в чистоте и порядке".

Судьба Кобы есть типичная судьба среднего провинциального революционера эпохи царизма. Что, однако, резко отличает его от товарищей по работе--это то, что на всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников. Много в этих случаях, несомненно, ложно. Но ни о каком другом из революционеров не рассказывали ничего подобного!

После раскола между большевиками и меньшевиками в 1903 г. осторожный и медлительный Коба выжидает полтора года в стороне, но в конце концов

примыкает к большевикам. Ему долго, однако, предстоит оставаться в тени. Блестящий инженер, впоследствии не менее блестящий советский дипломат Красин, игравший видную революционную роль на Кавказе в первые годы нынешнего столетия, называет в своих воспоминаниях ряд кавказских большевиков, но совершенно не упоминает о Сталине. За границей существует революционный центр во главе с Лениным. Все выдающиеся молодые революционеры находятся в связи с этим центром, совершают, поездки за границу, ведут переписку с Лениным. Во всей этой переписке имя Кобы не названо ни разу. Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам.

Революция 1905 г. прошла мимо Сталина, не заметив его. Он провел этот год в Тифлисе, где меньшевики господствовали безраздельно. В день 17 октября, когда царь опубликовал конституционный манифест, Кобу видели жестикулирующим на фонаре. В этот день все взбирались на фонари. Но Коба не был оратором и терялся перед лицом массы. Он чувствовал себя твердо только на конспиративной квартире.

Реакция принесла резкий упадок массового движения и временный подъем террористических актов. На Кавказе, где живы были еще традиции романтического разбоя и кровавой мести, террористическая борьба нашла смелых исполнителей. Убивали губернаторов, полицейских, предателей; с бомбами и револьверами в руках захватывали казенные деньги для революционных целей. Имя Кобы тесно связано с этой полосой; но точно до сих пор ничего не установлено. Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площади в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру.

Только в 1912 г. Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии не соглашается, правда, ввести Кобу в ЦК. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 г. будущие большевики назывались "твердыми", а меньшевики "мягкими". Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков "твердокаменными". Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев -- по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру.

В марте 1913 г. Сталин арестован в Петербурге и сослан в Сибирь, за Полярный круг, в маленькую деревню Курейку. Вернуться ему пришлось только в марте 1917 г., после низвержения монархии. Предоставленный в течение четырех лет самому себе, Сталин не написал ни одной строки, которая была бы впоследствии напечатана. А между тем это были годы мировой войны и великого кризиса в мировом социализме. Свердлов, которому пришлось некоторое время жить со Сталиным в одной комнате, пишет своей сестре:

"Нас двое, со мною грузин Джугашвили... парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни".

Из Курейки переводились в другие места и другие ссылки. Желчный, снедаемый честолюбием и враждебностью к людям, Сталин был для всех тяжелым соседом.

"Сталин замкнулся в самом себе, -- вспоминал впоследствии один из ссыльных, -- занимался охотой и рыбной ловлей; он жил почти в совершенном одиночестве".

Охота была без ружья: Сталин предпочитал ставить капканы. В 1916 г., когда стали мобилизовывать старшие возрасты, Иосиф Джугашвили был призван в ссылку к отбыванию воинской повинности, но в армию не попал из-за нестигающейся левой руки.

В тюрьмах и ссылке Сталин провел в общем около восьми лет, но

поразительное дело: ему так и не удалось за этот срок овладеть ни одним иностранным языком. В бакинской тюрьме он пробовал, правда, изучить немецкий язык, но бросил это безнадежное дело и перешел на эсперанто, утешая себя тем, что это язык будущего. В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина искал всегда линии наименьшего сопротивления. В конце февраля 1917 г. (по старому стилю) побеждает революция. Сталин возвращается в Петроград. В прошлом декабре ему исполнилось 37 лет,

Вместе с Каменевым Сталин отстраняет от руководства партийной группой молодых товарищей, в том числе Молотова, нынешнего Председателя Совнаркома, как слишком левых, и берет курс на завоевание власти. В течение месяцев революции трудно проследить деятельность Сталина. Более крупные и даровитые люди занимают авансцену и оттесняют его отовсюду. Ни теоретического воображения, ни исторической дальновзоркости, ни дара предвосхищения у него нет. В сложной обстановке он предпочитает молча выжидать. Новая идея должна была создать свою бюрократию, прежде чем Сталин мог проникнуться к ней доверием.

Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина--осторожного кунштатора. Так было в 1905 г. Так повторилось в 1917 г. И в дальнейшем каждая новая революция--в Германии, в Китае, в Испании--неизменно застигала его врасплох и порождала в нем чувство глухого недовольства революционной массой, которую нельзя командовать при помощи аппарата.

Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина--это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая пронизательность, сила воли, выдержка -- все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью -- двадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической пронизательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетенным, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем Ленин тоже умел ненавидеть.

В период Октябрьской революции Сталин, более чем когда-либо, воспринимал свою карьеру как ряд неудач. Всегда являлся кто-нибудь, кто его публично поправлял, затмевал, отодвигал. Его честолюбие не давало ему покоя, как внутренний нарыв, и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью. В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходилась с уголовными арестантами, чем с политическими.

Грубость представляет органическое свойство Сталина. Но с течением времени он сделал из этого свойства, сознательное орудие. На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. "Этот человек не мудрствует лукаво -- он выливает наружу все, что думает". Именно этого Сталину и нужно. В то же время Сталин крайне чувствителен, обидчив, капризен, когда дело касается его. Почувствовав себя оттиснутым в сторону, он поворачивается спиной к людям, забивается в угол, сосет трубку, угрюмо молчит и мечтает о мести.

В борьбе Сталин никогда не опровергает критики, а немедленно поворачивает ее против противника, придав ей самый грубый и беспощадный характер. Чем чудовищнее обвинения, тем лучше. Политика Сталина, говорит критик, нарушает интересы народа. Сталин отвечает: мой противник--наемный агент фашизма. Люди ошарашены, но не допускают возможности такой чудовищной лжи. Этот прием, на котором построены московские процессы, мог бы быть смело увековечен в учебниках психологии как "рефлекс Сталина".

Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 г. я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино, и

предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

-- Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют,-- говорил я Ленину,-- произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

-- Как же мы, кавказцы,--сказал он с раздражением,--будем без вина?!

-- Вот видите,--подхватил шутливо Ленин,--грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая в течение девяти лет заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещательное письмо: можно-де из нескольких комнат дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные выстрелы и пр. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру стоворчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Я никогда не бывал на квартире у Сталина. Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии: Иисуса Христа и Иосифа Сталина, дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Баженов, бежавший за границу. У дверей квартиры постоянно стоит часовая. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша, от первого брака, долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель... Но уж несколько лет, как он стал инженером и отделился от отца.

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома; но в последние годы, из страха перед отравлением, стали готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

"В своей семье,--рассказывает Бажанов,--он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына".

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

-- Коба, тебя зовет Молотов,--говорит Надежда Аллилуева.

-- Скажи ему, что я сплю,-- отвечает Сталин в присутствии секретаря, чтобы показать свое пренебрежение к Молотову.

Со времени гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напоминать о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки.

"Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он--в белом полотне".

Дело идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Ночные автомобили на кремлевском дворе не давали спать. В конце концов вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться у арки, где начинаются жилые корпуса; дальше все должны двигаться пешком. Однако чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный не в первый раз в три часа ночи, я дождался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера.

-- Разве вы не знаете постановления?

-- Знаю, товарищ Троцкий,-- ответил шофер,-- но что же мне делать? Товарищ Сталин приказал у арки: поезжай!

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки, где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений--экран кинематографа. В другом--драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяина:

это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за музыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из "Аиды". В музыке, как и в политике, он предпочитает послушный аппарат. Советские композиторы тем временем воспринимают как закон каждое указание диктатора, у которого две пианолы.

В 1903 г., когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена "выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить". Молодая женщина проводила ночи в горячих молитвах, когда ее муж участвовал в тайных собраниях. Терпимость к религиозным верованиям жены вытекала из того, что Коба не искал в ней друга, способного разделить его взгляды. Молодая женщина умерла в 1907 г. от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто его находили в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской. В своих бумагах я нахожу такую запись жены:

"Яша--мальчик лет 12, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают (внимание) черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миниатюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет -- за курение. "Но нет, побоями он меня от табаку не отучит". "Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым,-- рассказывал мне Сережа -- Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком".

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

-- Продолжай, продолжай,--сказал я ему успокоительно.

-- Папа мой сумасшедший,--сказал он убежденно.-- Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариным, видимо, в 1924 г., когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной.

"Только что вернулся от Кобы,--говорил он мне.-- Знаете, чем он занимается? Берет из кровати своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыма из трубки и пускает ребенку в лицо...

-- Да что вы за вздор говорите!--прервал я рассказчика.

-- Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда,--поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью.-- Младенец захлебывается и плачет, а Коба смеется-заливается: ничего, мол, крепче будет...

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

-- Да ведь это же дикое варварство?!

-- Вы Кобы не знаете: он уж такой, особенный... Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно "особенный": он "закалял" младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыма при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион... Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы "доверить своих детей". Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать...

Вторым браком Сталин был женат на Надежде Аллилуевой, дочери русского рабочего и матери-грузинки. Надежда родилась в 1902 г., после переворота работала в секретариате Ленина, была во время гражданской войны на Царицынском фронте, где находился и Сталин. Ей было 17 лет, Сталину -- 40. Она была очень миловидна и скромна. Уже став матерью двух детей, она поступила студенткой в Промышленную академию. Когда против меня развернулась травля под руководством Сталина, Аллилуева при встрече с моей женой проявляла двойное внимание. Она чувствовала себя, видимо, ближе к тем, которых травили. 9 ноября 1932 г. Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в

деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня.

В драме популярного русского писателя Афиногенова, написанной в 1931 г., говорилось, что если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха. За годы кровавых чисток страх охватил и большую часть остальных 20 процентов. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам; теперь он боялся их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что если бы СССР в союзе с демократиями вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы нации.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер--сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии--собирается не меньше и не больше как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его--иные. Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 г., во время прошлой войны 1917 г. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклонение перед ним.

По рассказу бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 г. в рядах собственной партии.

-- Вот это вождь!--сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс "самой демократической в мире конституции", наконец, нынешнее вторжение в Польшу--все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля--иногда, впрочем, и его противники--пытаются установить аналогию между союзом Сталина--Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 г. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого, как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключен при наличии Советской Армии в несколько миллионов; непосредственная задача его--облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом "освобождения" 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение

обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти--мотив мести. В 1920 г. Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с лембергского направления на Люблин, чтоб поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, "перехватит" у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии ЕГОРОВА повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 г.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унижительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение "великую Украину", завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И Сталин, и Гитлер нарушали ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. "Спасайся, кто может!"--станет лозунгом правительств, наций, классов. Московская олигархия, во всяком случае, не переживает войны, которой она так основательно страшилась. Падение Сталина не спасет, однако, и Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбулы влечется к пропасти.

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 г.

Л. Троцкий

Койокан